

РЕЦЕПЦИЯ ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИХ ИДЕЙ
И. КАНТА В МЕТАФИЗИКЕ
Ф. А. ГОЛУБИНСКОГО

Д. О. Рожин¹

Взгляды Канта на пространство и время, а также его учение о категориях рассудка обратили на себя внимание мыслителей, принадлежавших к русской духовно-академической философской традиции XIX – начала XX в., видным представителем которой был Ф. А. Голубинский. Он одним из первых отреагировал на «коперниканский переворот» Канта. Гносеологические идеи кёнигсбергского философа не только стали для Ф. А. Голубинского предметом изучения, но были восприняты и модифицированы им в рамках собственного философского учения. Чтобы определить, зачем Голубинский обращается к идеям Канта, насколько с ними согласен, в чем и почему не соглашается, в статье реконструируются взгляды Канта и Голубинского на пространство и время, а также проводится сравнение их учений о категориях рассудка. В результате установлен факт заимствования Голубинским ряда положений из теории Канта о пространстве и времени: порядок обнаружения форм чувственности – пространства и времени, их априорность, их принадлежность к чувственным созерцаниям, наконец, определение их как существенных свойств чувственного восприятия. При этом Голубинский в отличие от Канта приписывает пространству и времени объективный характер. В учении о категориях рассудка Голубинский следует за Кантом в том, что основание категорий рассудка лежит в единстве самосознания, при этом основание единства самосознания Голубинский усматривает в идее разума о Бесконечном, а Кант – в рассудке. С некоторыми оговорками Голубинский перенимает кантовскую таблицу категорий, изменяя их порядок. Что касается значения категорий, то для Голубинского они являются не только законами познания вещей, но и законами их бытия. В заключении показано, что Голубинский формулирует свою гносеологическую концепцию в полемике

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта. 236016, Калининград, ул. Александра Невского, д. 14. Поступила в редакцию: 22.08.2020 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2021-1-3

RECEPTION OF KANT'S
EPISTEMOLOGICAL IDEAS IN FYODOR
GOLUBINSKY'S METAPHYSICS

D. O. Rozhin¹

Kant's views on space and time as well as his doctrine of the categories of understanding attracted the attention of thinkers belonging to the Russian spiritual-academic philosophical tradition of the nineteenth and early twentieth centuries. A prominent representative of these was Fyodor Golubinsky. He was among the first to react to Kant's "Copernican turn". He did not merely study the epistemological ideas of Kant but embraced them and modified them in the framework of his own philosophical teaching. To determine why Golubinsky turned to Kant's ideas, to what extent he shared them and with what he disagreed and why, I propose to reconstruct Kant's and Golubinsky's ideas on space and time and to compare their doctrines of the categories of understanding. I come to the conclusion that Golubinsky borrowed some propositions of Kant's theory of space and time, specifically, the procedure of identifying forms of sensibility – space and time – their a priori character, their being part of sensible intuitions and, finally, their definition as essential properties of sense perception. Golubinsky, unlike Kant, considers space and time to be objective. In his doctrine of the categories of understanding Golubinsky follows Kant in that the foundation of the categories of understanding is the unity of self-consciousness but he attributes the unity of self-consciousness to reason's idea of the Infinite, whereas Kant sees it in the understanding. With some reservations, it can be said that Golubinsky adopts Kant's table of categories but changes their order. As for the meaning of the categories, for Golubinsky they are not merely laws of cognising things, but laws of their being. In conclusion, I show that Golubinsky forms his

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University. 14 Alexandra Nevskogo st., Kaliningrad, 236016, Russia.
Received: 22.08.2020.
doi: 10.5922/0207-6918-2021-1-3

с Кантом, заимствуя у него те положения, которые встраиваются в его собственную метафизику, или модифицируя их с той же целью.

Ключевые слова: Кант, Голубинский, пространство, время, категории рассудка, метафизика, идея о Бесконечном.

Федор Александрович Голубинский (1797—1854) — философ, богослов и профессор философских наук Московской духовной академии (МДА), основатель русской теистической философии (Абрамов, 1994, с. 91), основоположник московской школы теистической философии (Мачкарина, 2011а, с. 162). Его преемником по кафедре МДА был профессор В. Д. Кудрявцев-Платонов (1828—1891), автор оригинальной философской системы трансцендентального монизма. Несмотря на то что оба русских философа были религиозными мыслителями, развивавшими свои идеи в духе философского теизма, они оба обращались к идеям Канта.

С одной стороны, Голубинского можно охарактеризовать как эклектика или «осмотрительного ученого-эрудита» (Гаврюшин, 2012, с. 18), объединившего в своей философии различные идеи предшественников. С другой — налицо оригинальность философских воззрений русского философа: он создает свою метафизику, отличающуюся по принципам и структуре от метафизических систем вольфианского толка, одна из которых, а именно метафизика Ф. Х. Баумейстера, была распространена в России в духовно-академической среде в начале XIX в.² — Голубинский был хорошо знаком с ней. Другой немаловажной чертой, выделяющей Голубинского в истории русской философии, является его обращение к кантовским идеям при построении собственной метафизики. Русский мыслитель был не только знаком с критической философией Канта, но и оригинально и, по замечанию А. Н. Круглова, «удивительно глубоко» (Круглов, 2009, с. 405) воспринял некоторые ключе-

² Его учебник метафизики был переведен на русский язык (см.: Баумейстер, 1830). Подробнее см.: Цвык, 2013).

epistemological concept in polemics with Kant, borrowing from him only those propositions which fit his metaphysics or modifying them to that end.

Keywords: Kant, Golubinsky, space, time, categories of understanding, metaphysics, idea of the Infinite.

Fyodor A. Golubinsky (1797—1854) was a philosopher, theologian and professor of philosophy at the Moscow Theological Academy (MTA), founder of the Russian theistic philosophy (Abramov, 1994, p. 91), founder of the Moscow school of theistic philosophy (Machkarina, 2011a, p. 162). His successor at the MTA chair was Professor V. D. Kudryavtsev-Platonov (1828—1891), author of an original philosophical system of transcendental monism. Although both Russian philosophers were religious thinkers in the spirit of philosophical theism, both turned to the ideas of Kant.

On the one hand, Golubinsky can be characterised as an eclectic or “a circumspect erudite scholar” (Gavryushin, 2012, p. 18), whose philosophy combined various ideas of his predecessors. On the other hand, his views carry an obvious mark of originality: he created his own metaphysics, different in principles and structure from the metaphysical systems of the Wolffian kind, one of which, the metaphysics of Friedrich Christian Baumeister, was widespread in the Russian Theological Academies in the early nineteenth century² and with which Golubinsky was thoroughly conversant. Another important feature that singles out Golubinsky in the history of Russian philosophy is the fact that he appealed to Kantian ideas in the construction of his own metaphysics. Not only was he familiar with Kant’s critical philosophy, but he perceived some of Kant’s key concepts

² His textbook on metaphysics was translated into Russian (see Baumeister, 1830). For more detail see Tsvyk (2013).

вые концепции немецкого философа. В данной статье я хочу проанализировать два значимых элемента гносеологической концепции Голубинского, а именно теорию пространства и времени и учение о чистых категориях разума (рассудка)³, поскольку в них обнаруживаются следы кантовской философии. Проблему, которую предстоит решить в данном исследовании, можно представить в трех вопросах. Во-первых, почему Голубинский, будучи религиозным мыслителем, обращается к идеям Канта? Во-вторых, насколько Голубинский согласен с заинтересовавшими его кантовскими идеями? Наконец, в случае расхождений между взглядами Голубинского и Канта — каковы причины этих расхождений? Чтобы ответить на эти вопросы, я, во-первых, кратко рассмотрю основные положения философии Голубинского; во-вторых, сформулирую концепции Канта и Голубинского относительно пространства и времени и чистых категорий рассудка. Далее я перейду к главному вопросу статьи: следует ли Голубинский за Кантом в собственных теории пространства и времени и учении о чистых категориях рассудка? Для ответа я произведу сравнение взглядов двух мыслителей и постараюсь привести основания их сходства и различия.

Идея о Бесконечном как ключевой принцип всей метафизики Голубинского

К сожалению, Голубинский не сделал свои философские взгляды предметом отдельного трактата. Всё, что мы имеем на сегодняшний день, — это записи его лекций по философии и умозрительной психологии, которых, однако, вполне достаточно для того, чтобы, во-первых, составить общее представление о специфике его философской мысли, во-вторых, сопоставить его философские взгляды с идеями других авторов.

³ Термин «разум» Голубинский употребляет близко по значению к кантовскому понятию рассудка. У Голубинского встречается также термин «ум», близкий по значению к кантовскому «разуму».

in an original and “remarkably profound” way (Krouglov, 2009, p. 405). In this article I propose to analyse two significant elements of Golubinsky’s epistemological concept, viz. his theory of space and time and the doctrine of pure categories of reason (understanding),³ inasmuch as they reveal traces of the Kantian philosophy. The problem I attempt to solve in this study can be represented in three questions. First, why did Golubinsky, a religious thinker, turn to Kant’s ideas? Second, to what extent did Golubinsky agree with the Kantian ideas that attracted his attention? And, finally, where Golubinsky’s views diverge from those of Kant, what are the causes of these divergences? To answer these questions I will first give an overview of the main provisions of Golubinsky’s philosophy; second, formulate the ideas of Kant and Golubinsky concerning space and time and pure categories of understanding. I will then pass on to the central question of the article: does Golubinsky follow Kant in his own theory of space and time and the doctrine of pure categories of understanding? To answer this question I will compare the views of these two thinkers and try to explain their similarities and differences.

The Idea of the Infinite as the Key Principle of Golubinsky’s Metaphysics

Unfortunately, Golubinsky did not make his philosophical views the subject of a separate treatise. All we have today are the notes of his lectures on philosophy and speculative psychology which, however, are quite sufficient to get a general idea of the distinctive features of his philosophical thought and then to compare his philosophical views with those of other philosophers.

³ Golubinsky uses the term “reason” in a meaning similar to Kant’s use of the term “understanding”. Occasionally he also uses the term “mind” in a meaning similar to Kant’s “reason”.

Голубинский облакает свои взгляды в форму метафизики, напоминающей метафизические системы вольфианского толка. Возникает вопрос, можно ли считать философские взгляды Голубинского целостной системой. Некоторые современные исследователи отвечают на этот вопрос положительно (Задорнов, 2006; Корнилов, 2016; Мачкарина, 2011б; Романько, 2012; Цвык, 2002), но существует и противоположная позиция, согласно которой философия Голубинского не была и не могла быть системой, потому что Голубинский в своих взглядах ориентировался на масонскую доктрину (Гаврюшин, 2012, с. 28). Возвращаясь к формальному сходству метафизики Голубинского и метафизических систем вольфианского толка, можно отметить, что это сходство усматривается в названиях основных частей метафизики, которые предваряются онтологией, или, как ее называет Вольф, учением «О первых основаниях нашего познания и всех вещах вообще» (Вольф, 2001, с. 240). Упомянутые сходства, а также отличия можно представить следующим образом:

Golubinsky casts his view in the form of metaphysics reminiscent of Wolffian metaphysical systems. The question arises, can Golubinsky's philosophical views be seen as a complete system? Some modern scholars give an affirmative answer (Kornilov, 2016; Machkarina, 2011b; Romanko, 2012; Tsvyk, 2002; Zadornov, 2006), but the opposite view holds that Golubinsky's philosophy was not and could not be a system, since Golubinsky was oriented towards the masonic doctrine (Gavryushin, 2012, p. 28). Going back to the formal similarity between Golubinsky's metaphysics and the metaphysical systems of the Wolffian type, it has to be noted that the similarity is already noticeable in the titles of the main parts of metaphysics preceded by ontology, or what Wolff calls the doctrine "On the First Grounds of *Our* Knowledge and *All Things* as Such" (Wolff, 1725, p. 6). The above-mentioned similarities as well as the differences are presented in the table:

Структура метафизики Х. Вольфа (Вольф, 2001, с. 238)	Структура метафизики Ф. Х. Баумейстера (Баумейстер, 1830, с. 3)	Структура метафизики Ф. А. Голубинского (Голубинский, 1884а, с. 79)
Онтология	Онтология	Онтология
Эмпирическая психология	—	—
Космология	Общая космология	Умозрительное богословие
Рациональная психология	Пневматология и психология	Пневматология (умозрительная психология)
Естественное богословие	Естественное богословие	Космология

Structure of Christian Wolff's metaphysics (cf. Wolff, 1725, <i>Inhalt</i>)	Structure of Friedrich Baumeister's metaphysics (Baumeister, 1830, p. 3)	Structure of Fyodor Golubinsky's metaphysics (Golubinsky, 1884a, p. 79)
Ontology	Ontology	Ontology
Empirical psychology	—	—
Cosmology	General cosmology	Speculative theology
Rational psychology	Pneumatology and psychology	Pneumatology (speculative psychology)
Natural theology	Natural theology	Cosmology

Согласно Вольфу, метафизика, или, как он ее еще называет, «главная наука», делится на онтологию, или первую философию; рациональную космологию, или учение о мире вообще; рациональную и эмпирическую психологию, или пневматику (науку о душе человека и духе вообще); естественную или рациональную теологию (учение о Боге, его бытии и свойствах).

Онтологию, которая понимается как знание всего сущего в целом, имеет своим предметом вещь вообще и создает «общие понятия и основоположения для остальных философских дисциплин» (Круглов, 2008, с. 39–40), Вольф предваряет доказательством существования субъекта:

Тот, кто сознает себя и другие вещи, тот существует.

Мы сознаем себя и другие вещи.

Следовательно, мы существуем (Вольф, 2001, с. 239).

Голубинский свою онтологию также начинает с рассуждений о том, что подлинно имеет бытие. И приходит к следующему заключению: первое, что мы не можем подвергнуть никакому сомнению, — это бытие наших представлений, вслед за чем русский философ доказывает бытие представляющего субъекта — «Я» (Голубинский, 1884б, с. 15–16). Правда, силлогизм Вольфа, в котором первая посылка является основоположением, а вторая взята из опыта, определяет структуру метафизики немецкого философа. Поэтому у него после онтологии идет эмпирическая психология, то есть опыт сознания себя и сознания предметов внешнего мира. Цель такой психологии — на основании повседневного опыта показать то, что происходит в душе человека, сделать очевидным сознание себя и внешних предметов (Вольф, 2001, с. 259). За эмпирической психологией у Вольфа следует космология, где он прямо утверждает, что «нельзя понять ни сущности духа вообще,

According to Wolff, metaphysics or “the main science,” as he also calls it, is divided into ontology, or the first philosophy; rational cosmology, or the teaching about the world in general; rational and empirical psychology, or pneumatics (the science of the human soul and the spirit in general); and natural or rational theology (the teaching about God, his being and properties).

Ontology, or the knowledge of all that exists as a whole, is concerned with the thing in general and creates “general concepts and principles for the other philosophical disciplines” (Krouglov, 2008, pp. 39-40); it is preceded by Wolff’s proof of the existence of the subject:

He who is conscious of himself and other things exists.

We are conscious of ourselves and other things.

Consequently, we exist⁴ (Wolff, 1725, p. 4).

Golubinsky also begins his ontology with a discourse on what really exists. He comes to the conclusion that the first thing we cannot question is the being of our representations, whereupon he proceeds to prove the being of the representing subject, the “Ego” (Golubinsky, 1884b, pp. 15-16). True, Wolff’s syllogism, in which the first premise is the basic foundation and the second is drawn from experience, determines the structure of the German philosopher’s metaphysics. That is why with him ontology is followed by empirical psychology, i. e. the experience of being conscious of oneself and conscious of the objects of the external world. The aim of this psychology is, proceeding from day-to-day experience, to show what happens in the human soul, i. e. to make evident consciousness of oneself and external objects (Wolff, 1725, p. 106). In Wolff’s system empirical psychology is followed by cosmolo-

⁴ “*Wer sich seiner und anderer Dinge bewußt ist, der ist. Wir sind uns unserer und anderer Dinge bewußt. Also sind wir.*”

ни души в частности, прежде чем не будет понято, чем, собственно, является мир и какими свойствами он обладает» (Вольф, 2001, с. 279). И уже от космологии Вольф переходит к априорному исследованию духа как простой вещи и Бога как необходимой вещи.

Голубинский не соглашается с таким вариантом расположения основных частей метафизики. Ведь, не зная Существа Бесконечного, говорит русский философ, нельзя объяснить законов и свойств мира материального и духовного, так как их основание — в Боге. Знание о Существовании Бесконечном, по мысли Голубинского, наличествует в разуме человека в форме идеи. Соответственно, если идея о Бесконечном необходимо лежит в основании метафизики, то метафизическое здание должно выглядеть следующим образом: сначала нужно естественным путем, без скачков, дойти до Бесконечного, что является главной задачей онтологии; далее следуют рассуждения о Существовании Бесконечном — Богословие; потом исследования о мире духовном — рациональная психология (пневматология); и, наконец, рассмотрение материального мира — космология (см.: Голубинский, 1884а, с. 77–78). Таким образом, все части метафизики Голубинского, кроме онтологии, по сравнению с метафизикой Вольфа расположены в обратном порядке.

В онтологии Голубинский демонстрирует наличие идеи о Бесконечном в уме человека посредством наличия закона, обнаруживаемого также в уме человека и состоящего в поиске Бесконечного и Безусловного для всего конечного и условного. По сути, этот закон есть закон достаточного основания в несколько измененной форме (Голубинский, 1884б, с. 72). Следующее за онтологией умозрительное богословие формулируется Голубинским в рамках естественного богословия европейской традиции. Его цель — доказать бытие Бога и выявить его свойства и совершенства. В данном разделе также выводятся свойства и совершенства Бога, которые, с одной стороны, призваны

gy, in which he expressly states that “it is impossible to understand either the essence of the spirit in general, or the soul in particular until it is understood what the world actually is and what properties it possesses”⁵ (Wolff, 1725, p. 329). From cosmology Wolff passes on to a *priori* study of the spirit as a simple thing and of God as the necessary thing.

Golubinsky disagrees with this arrangement of the main parts of metaphysics. Without knowing the Infinite Being, he argues, it is impossible to explain the laws and properties of the material and spiritual world because their foundation is in God. Golubinsky believes that knowledge of the Infinite Being is present in human reason in the form of an idea. Accordingly, if the idea of the Infinite necessarily underlies metaphysics, the metaphysical edifice must look as follows: first, it is necessary to attain the Infinite in a natural way without leaps, which is the main task of ontology; then follows the reasoning about the Infinite Being, i. e. Theology; then the study of the spiritual world, i. e. rational psychology (pneumatology); and, finally, the examination of the material world, i. e. cosmology (see Golubinsky, 1884a, pp. 77–78). Golubinsky’s arrangement of all the parts of metaphysics, except ontology, is the reverse of Wolff’s arrangement.

In his ontology Golubinsky demonstrates the presence of an idea of the Infinite in the human being’s mind through the existence of the law which is also found in the human mind and which consists in the search for the Infinite and the Unconditional for everything that is finite and conditional. It is essentially the law of sufficient ground in a somewhat modified form (Golubinsky, 1884b, p. 72). Speculative theology, which follows ontology, is formulated in terms of natural theology in the European tra-

⁵ “[...] man [kann] weder das Wesen eines Geistes überhaupt, noch der Seele ins besondere begreifen [...], ehe man versteht, was eigentlich eine Welt ist und was es mit ihr für eine Beschaffenheit habe.”

дать максимально возможное представление о Боге, а с другой — будут служить методологическим аппаратом для исследования души человека и внешнего мира (Голубинский, 1886). Умозрительная психология имеет своей целью дать представление о душе через призму свойств и совершенств Бога, выявленных в умозрительном богословии (Голубинский, 1871). Также в данном разделе русский философ выдвигает свою гипотезу по вопросу взаимодействия между душой и телом, согласно которой душа вступает во взаимодействие с некоей невидимой силой, «живущей и действующей» в материи, соответственно, душа не вступает в прямое взаимодействие с материей (Голубинский, 1871, с. 68–70). Космология Голубинского по неизвестным причинам не представлена в тексте лекций, но ее центральную идею можно реконструировать на основании предыдущих частей его метафизики: мир ограничен, зависим от Бога-Творца. Посредством рассмотрения единства самосознания субъекта, причинно-следственных связей и изменений Голубинский выявляет субстанции, силы и законы, которые существуют в мире и также находятся в зависимости от Бога (см.: Голубинский, 1871, с. 29; Голубинский, 1886, с. 169–171; Голубинский, 1884в, с. 21–22, 55, 81, 99–102, 113).

Из сказанного очевидно, что богословие в метафизике Голубинского играет ключевую роль. Отчасти подобное положение дел можно объяснить мировоззрением русского философа. Он был священником Русской православной церкви, что не могло не отразиться на образе его мыслей и подходе к философии, который он сам называет догматическим способом познания истины. Ведь, согласно Голубинскому, «святилище истины нельзя достигнуть путем отрицаний и сомнений» (Голубинский, 1884в, с. 9). Традиционно под философским догматизмом понимают тот способ мышления, который оперирует догмами — неизменными вечными положениями. Для него характерны не критичность, консерватизм и вера в авто-

dition. Its aim is to prove the existence of God and reveal his properties and perfections. This section also derives the properties and perfection of God which must, on the one hand, give the fullest possible idea of God and, on the other hand, provide the methodological means for investigating the human soul and the external world (Golubinsky, 1886). Speculative philosophy aims to give an idea of the soul through the prism of the properties and perfection of God revealed in speculative theology (Golubinsky, 1871). In the same section the Russian philosopher puts forward his hypothesis concerning the interaction between soul and body, whereby the soul comes into contact with an invisible force that “lives and acts” in matter. Thus the soul does not directly interact with matter (Golubinsky, 1871, pp. 68-70). For unknown reasons Golubinsky’s cosmology is not represented in the text of his lectures, but the central idea of cosmology can be reconstructed from the previous parts of his metaphysics: the world is finite and dependent on God the Creator. By considering the unity of the subject’s self-consciousness, the cause-and-effect connections and changes, Golubinsky identifies the substances, forces and laws that exist in the world and also depend on God (see Golubinsky, 1871, p. 29; Golubinsky, 1886, pp. 169-171; Golubinsky, 1884c, pp. 21-22, 55, 81, 99-102, 113).

It will be seen from the above that theology plays the key role in Golubinsky’s metaphysics. This state of affairs can partly be attributed to his world view. Golubinsky was a Russian Orthodox priest, which could not but influence his mode of thinking and his approach to philosophy, which he describes as a dogmatic way of cognising the truth. For he was convinced that “the sanctuary of truth cannot be reached through negations and doubts” (Golubinsky, 1884c, p. 9). Traditionally, philosophical dogmatism means a method of thinking relying on dogmas, immutable eternal propositions.

ритеты. Догматизм в указанном значении ни в коем случае нельзя соотносить с «догматизмом» Голубинского, так как в лекциях последнего обнаруживается достаточно критичности и последовательности в ходе мысли. Более того, Голубинский разводит богословие и философию, указывая лишь на то, что философия — детоводитель (педагог) к Истинному Учителю, но ни в коей мере не «служанка богословия» (Голубинский, 1884а, с. 35). Верное уточнение к указанной мысли Голубинского дает В. И. Коцюба: под понятием «служанка» здесь понимается выполнение философией не характерных для нее задач, чего у Голубинского не наблюдается (Коцюба, 2013, с. 48). Несмотря на то что философия Голубинского носит религиозно-метафизическую направленность, русский философ для прояснения вопросов о структурах человеческого познания и их взаимосвязи с внешним миром обращается к идеям Канта.

Априорные формы чувственности и чистые категории рассудка в философии Канта

Анализ основных форм чувственного познания Кант производит в следующем порядке: сначала изолируется чувственность, чтобы оставить только эмпирическое созерцание, затем от этого созерцания отделяется все, что принадлежит ощущению, чтобы осталось только чистое созерцание. Прделав подобные действия, мы, согласно немецкому философу, обнаружим две чистые формы чувственного созерцания — пространство и время (В 36; Кант, 1994, с. 64). Во «Введении ко второму изданию» «Критики чистого разума» можно обнаружить еще один пример, касающийся выведения только одной чистой формы чувственности — пространства: «Отбрасывайте постепенно от вашего эмпирического понятия тела все, что есть в нем эмпирического: цвет, твердость или мягкость, вес, непроницаемость; тогда все

Dogmatism is characterised by an uncritical attitude, conservatism and faith in authorities. Dogmatism in this meaning can on no account be associated Golubinsky's "dogmatism" because his lectures are marked by a critical and consistent approach. Indeed, Golubinsky separates theology from philosophy, merely saying that philosophy is a child guide (a pedagogue) to the True Teacher but by no means "a maidservant to theology" (Golubinsky, 1884a, p. 35). Vyacheslav I. Kotsyuba (2013, p. 48) offers an apposite clarification of Golubinsky's position: the term "maidservant" refers to the performance by philosophy of tasks that are not inherent in it, something that we do not observe in Golubinsky. Although Golubinsky's philosophy has a religious-metaphysical character he falls back on Kant's ideas to elucidate the structures of human cognition and their interconnection with the external world.

A Priori Forms of Sensibility and Pure Categories of Understanding in Kant's Philosophy

Kant analyses the forms of sensible perception in the following order: first he isolates sensibility in order to leave only empirical intuition, then everything that pertains to perception is separated from intuition to leave pure intuition. After performing these acts we, according to Kant, arrive at two pure forms of sensible intuition: space and time (*KrV*, B 36; Kant, 1998, p. 174). In the "Introduction " of the *Critique of Pure Reason* we find another example which has to do with the derivation of only one pure form of sensibility, i. e. space: "Gradually remove from your experiential concept of a **body** everything that is empirical in it — the colour, the hardness or softness, the weight, even the impenetrability — there still remains the **space** that was occupied by the

же останется *пространство*, которое тело (теперь уже совершенно исчезнувшее) занимало и которое вы не можете отбросить» (В 5; Кант, 1994, с. 43).

Посредством внешнего чувства мы представляем предметы как находящиеся вне нас, посредством внутреннего чувства все представляется во временных отношениях. Вне нас мы не можем созерцать время, так же как и пространство внутри нас. Кант приводит два вида истолкования особого статуса пространства и времени — метафизическое и трансцендентальное. Суть первого заключается в том, что оно демонстрирует, почему пространство и время показываются как данные *a priori*. Трансцендентальное истолкование раскрывает пространство и время как принципы, на которых могут основываться другие априорные синтетические знания. Метафизическое истолкование пространства, согласно Канту, дает нам несколько положений: 1) пространство не есть эмпирическое понятие, то есть дано прежде опыта; 2) оно есть необходимое априорное представление, без которого невозможны никакие внешние созерцания; 3) пространство является не дискурсивным понятием, или понятием об отношениях вещей, а чистым созерцанием; 4) пространство представляется как бесконечно данная величина (В 38—40; Кант, 1994, с. 65—66). Трансцендентальное истолкование пространства, в свою очередь, основано на объяснении возможности геометрии как априорного синтетического знания (В 40—41; Кант, 1994, с. 66—67). Иными словами, нельзя объяснить ее без соответствующего объяснения пространства. В совокупности метафизическое и трансцендентальное истолкование пространства дают следующие выводы: пространство не есть свойство вещей самих по себе, а также не есть отношение между ними, оно не является понятием и не принадлежит предметам созерцания; напротив, пространство есть только априорная форма явлений внешних чувств, субъективное условие чувственности. Простран-

body (which has now entirely disappeared), and you cannot leave that out” (*KrV*, В 5; Кант, 1998, p. 138).

In virtue of external feeling we represent objects as being outside us and through inner feeling everything presents itself to us in temporal relations. We cannot intuit time outside us any more than we can intuit space inside us. Kant cites two interpretations of the special status of space and time: metaphysical and transcendental. The former demonstrates why space and time are given *a priori*. The transcendental interpretation reveals space and time as principles which may be the basis of other *a priori* synthetic knowledge. The metaphysical interpretation of space, according to Kant, yields several propositions: 1) space is not an empirical notion, i. e. it is given before experience; 2) it is a necessary *a priori* representation without which no external intuitions are possible; 3) space is not a discursive notion or a notion of the relationships between things, but pure intuition; 4) space is an infinitely given value (*KrV*, В 38-40; Кант, 1998, pp. 174-175). The transcendental interpretation of space, in turn, is based on explaining the possibility of geometry as *a priori* synthetic knowledge (*KrV*, В 40-41; Кант, 1998, p. 176). In other words, it is impossible to explain the possibility of geometry as *a priori* synthetic knowledge without a corresponding explanation of space. Between them the metaphysical and transcendental interpretations of space lead to the following conclusions: space is not a property of things in themselves, nor is it a relationship between them; it is not a concept and is not an object of intuition. On the contrary, space is merely an *a priori* form of the phenomena of external feelings, a subjective condition of sensibility. Space, according to Kant, embraces all

ство, согласно Канту, охватывает все вещи, являющиеся нам внешне, но нельзя утверждать, что оно охватывает вещи сами по себе, из чего следует двойной характер пространства: реальность по отношению к явлениям и идеальность по отношению к вещам в себе (В 42–44; Кант, 1994, с. 67–69).

Время, согласно метафизическому истолкованию, также не является ни эмпирическим, ни дискурсивным понятием, как и пространство, но является необходимым представлением, лежащим в основе всех созерцаний, то есть чистой формой чувственного созерцания. Время в своем первоначальном представлении дано как неограниченное. Что касается трансцендентального истолкования, то без указанного только что представления о времени невозможно объяснить, что такое изменение и движение, ведь «только во времени... два противоречаще-противоположных определения могут быть в одной и той же вещи» (В 49; Кант, 1994, с. 72). Из рассуждений о времени следует, что оно не существует само по себе и не присуще вещам как объективное определение, но есть чистая форма внутреннего чувства и априорное формальное условие всех явлений вообще, то есть представляет собой субъективное условие созерцания. С другой стороны, по отношению к явлениям оно необходимо объективно (В 49–53; Кант, 1994, с. 72–75).

Способность мыслить предмет чувственного созерцания называется у Канта рассудком (В 75; Кант, 1994, с. 90). Уже из этого определения обнаруживается необходимая связь между чувственной способностью познания и операциями рассудка, то есть познание, согласно Канту, может возникнуть только из союза чувственности и рассудка, иначе «мысли без содержания пусты, созерцания без понятий слепы» (В 75; Кант, 1994, с. 90). В рамках данного рассуждения Кант поднимает вопрос: что есть истина? Истина как знание, то есть соответствие познания его предмету, согласно Канту, не может ограни-

the things given to us externally, but it cannot be said to embrace things in themselves, from which follows the dual character of space: it is real with respect to phenomena and ideal with respect to things in themselves (*KrV*, В 42-44; Kant, 1998, pp. 176-178).

Time, in the metaphysical interpretation, is also neither an empirical nor a discursive concept like space, but it is a necessary representation which underlies all intuitions, i. e. is a pure form of sensible intuition. Time in its initial representation is given as unlimited. As for the transcendental interpretation, it is impossible to explain change and movement without the above representation of time, for “Only in time can both contradictorily opposed determinations in one thing be encountered” (*KrV*, В 49; Kant, 1998, p. 180). It follows from the reasoning about time that it does not exist by itself and is not inherent in things as an objective representation, but is a pure form of internal feeling and *a priori* formal condition of all phenomena in general, i. e. it is a subjective condition of intuition. On the other hand, it must be objective with respect to phenomena (*KrV*, В 49-53; Kant, 1998, pp. 180-182).

Kant refers to the capacity to think an object of sensible intuition as understanding (*KrV*, В 75; Kant, 1998, p. 193). This definition already reveals the necessary link between the sensible capacity of cognition and the operations of understanding, i. e. cognition, according to Kant, can arise only from a unification of sensibility and understanding, otherwise, “Thoughts without content are empty, intuitions without concepts are blind” (*KrV*, В 75; Kant, 1998, pp. 193-194). As part of this argument Kant asks the question, what is truth? Truth as knowledge, i. e. the correspondence of knowledge to the object, according to Kant, cannot be confined to the logical form, the logical criterion of truth, because this is insufficient

чиваться только логической формой, так называемым логическим критерием истины, так как этого недостаточно для установления материальной истинности знания, или критерия истинности в отношении материи. Такой критерий, в свою очередь, заключает в себе противоречие: знание требует всеобщности, то есть необходимо отвлечься от содержания знания, в то время как истина здесь касается именно содержания (В 82–85; Кант, 1994, с. 94–95). Наконец, важно отметить и следующее утверждение Канта: рассудок, поскольку он составляет «самостоятельное, самодовлеющее единство», в процессе познания сообщает единство синтезу многообразного, которое, в случае чистого синтеза, называется чистым рассудочным понятием, или категорией. Таким образом, рассудок посредством категорий вносит связь в представления (В 130–131; Кант, 1994, с. 125–126). Из вышеизложенного следует как минимум несколько выводов: 1) знание возникает в союзе чувственности и рассудка; 2) категории рассудка могут иметь применение только по отношению к вещам возможного и действительного опыта; 3) истина относительна.

В «Трансцендентальной аналитике» Кант в первую очередь обращается к критерию логической истины, имеющему всеобщий характер и выраженному в априорных категориях рассудка. Немецкий философ производит их метафизическую дедукцию, то есть выводит категории из логических функций рассудка. Соответственно, четыре группы функций, каждая из которых содержит три функции, дают четыре класса категорий (количество, качество, отношение и модальность) с тремя категориями в каждом (В 95, В 102–106; Кант, 1994, с. 103, 107–110). При этом Кант обращает внимание на то, что третья категория каждого класса возникает из соединения первой и второй категорий того же класса, но это несколько не противоречит их статусу основного понятия чистого рассудка (В 110; Кант, 1994, с. 113).

to establish the material truth of knowledge or the criterion of truth with regard to matter. Such a criterion, in turn, contains a contradiction: knowledge demands universality, i. e. it is necessary to abstract oneself from the content of knowledge, whereas the truth here has to do precisely with content (*KrV*, В 82-85; Kant, 1998, pp. 197-198). Finally, one more proposition of Kant needs to be noted: understanding, insofar as it is “an independent and self-contained unity,” confers unity on the synthesis of the manifold, which in the case of pure synthesis is called a pure concept of understanding, or category. Thus, through categories, understanding introduces connectedness into representations (*KrV*, В 130-131; Kant, 1998, pp. 245-246). Several conclusions follow from the above, at least three of which need to be mentioned: 1) knowledge arises from the union of sensibility and understanding; 2) the categories of understanding are applicable only to things of possible or actual experience; 3) truth is relative.

In the “Transcendental Analytic” Kant makes the first reference to the criterion of logical truth which is universal in character and is expressed in *a priori* categories of understanding. He carries out their metaphysical deduction, i. e. derives categories from the logical functions of understanding. Accordingly, four groups of functions, each containing three functions, yield four classes of categories with three categories in each: quantity, quality, relation and modality (*KrV*, В 95, В 102-106; Kant, 1998, pp. 206, 210-212). Kant stresses that the third category in each class arises from a combination of the first and second categories of the same class, but this does not in any way contradict their status of the main concept of pure reason (*KrV*, В 110; Kant, 1998, p. 215).

Kant then carries out the transcendental deduction, i. e. explains how these categories can

Далее Кант производит трансцендентальную дедукцию, то есть объясняет, каким образом эти категории могут *a priori* относиться к предметам, иначе говоря, пытается решить проблему объективной значимости субъективных условий мышления. Объективная значимость категорий как априорных понятий, говорит немецкий философ, должна основываться на том, что опыт возможен только посредством них (В 126–127; Кант, 1994, с. 123). Это означает, что «мы ничего не можем представить себе связанным в объекте, чего прежде не связали сами» (В 130; Кант, 1994, с. 125). Отсюда связь создается самим субъектом, так как она есть акт самодеятельности субъекта. Понятие связи, согласно Канту, содержит в себе, помимо понятий многообразного и синтеза, понятие единства многообразного. Так как понятие единства многообразного само не может возникнуть из связи, оно не есть категория, но предшествует категориям. Это единство заключается в трансцендентальном единстве апперцепции, которое есть объективное условие всякого познания (В 131–136; Кант, 1994, с. 126–129).

Из сказанного понятно, что категории рассудка имеют применение только к предметам опыта. В противном случае они оставались бы формами мысли без объективной реальности, которые можно применять к чувственным созерцаниям без каких-либо правил и ограничений. «Следовательно, для нас возможно априорное познание только предметов возможного опыта» (В 166; Кант, 1994, с. 149). Тогда вполне закономерно возникает вопрос: как коррелируют созерцания и категории? Отвечая на поставленный вопрос, Кант говорит, что должно быть нечто третье, однородное и с явлениями, и с категориями. Таковым является трансцендентальная временная схема — формальное и чистое условие чувственности, которым рассудочное понятие ограничивается в своем применении (В 181; Кант, 1994, с. 159).

a priori apply to objects; in other words, he tries to solve the problem of objective significance of subjective conditions of thinking. The objective significance of categories as *a priori* concepts, the German philosopher argues, must be based on the fact that experience is only possible through them (*KrV*, В 126-127; Kant, 1998, pp. 224-225). This means that “we can represent nothing as combined in the object without having previously combined it ourselves” (*KrV*, В 130; Kant, 1998, p. 245). Thus the connection is created by the subject because it is an act of the subject. In addition to the concepts of the manifold and of synthesis, the concept of combination, according to Kant, contains the concept of the unity of the manifold. Since the concept of the unity of the manifold cannot arise from the combination, this unity is not a category, but precedes categories. The unity consists in transcendental apperception which is an objective condition of all cognition (*KrV*, В 131-136; Kant, 1998, pp. 246-248).

It is clear from the above that the categories of understanding apply only to the objects of experience. Otherwise they would have remained forms of thought without objective reality which could be applied to sensible intuitions without any rules or restrictions. “Consequently **no a priori** cognition is possible for us except solely of objects of possible experience” (*KrV*, В 166; Kant, 1998, p. 264). The question then suggests itself: what is the correlation between intuition and categories? Answering the question, Kant says that there must be a third something that is homogenous both with phenomena and with categories. The transcendental temporal scheme meets this requirement being a formal and pure condition of sensibility to which a reasonable concept is confined in its use (*KrV*, В 181; Kant, 1998, pp. 273-274).

Концепция пространства и времени и учение о чистых категориях разума в метафизике Голубинского

О том, что Голубинский при построении собственной концепции пространства и времени мог с большой вероятностью опираться на теорию пространства и времени Канта, свидетельствуют записи его лекций по философии: «Канту, обратившему особенное внимание на теорию пространства и времени, можно отдать честь за то, что он первый весьма хорошо и верно понял, что это суть первоначальные и необходимые формы нашей чувственности», но с оговоркой: «...он не решился приписать оные самым вещам...» (Голубинский, 1884б, с. 33).

Концепцию пространства и времени в философии Голубинского можно представить следующим образом. Субъект имеет опыт восприятий и чувственных представлений, вызываемых внешними предметами, в которых, если последовательно опустить случайные и изменяющиеся свойства, останется стремление отыскивать что-то положенное одно возле другого — это стремление философ определяет как пространство. Он отмечает, что без пространства как «коренного свойства» восприятия внешних предметов деятельность внешних чувств была бы невозможна. Далее Голубинский обращается к анализу внутреннего чувства, в котором, если следовать принципу анализа внешнего чувства, то есть опускать во внутреннем опыте случайное и изменчивое, остается неизгладимое свойство, согласно которому нечто одно следует за другим — время. Таким образом, Голубинский выводит два «первоначальных свойства и закона нашей чувственности» — пространство и время (Голубинский, 1884б, с. 32).

Развивая свою концепцию пространства и времени, Голубинский обращается к аналогичной теории Канта — не к первоисточнику, а к ее краткому пересказу из книги Вильгель-

The Concepts of Space and Time and the Doctrine of Pure Categories of Understanding in Golubinsky's Metaphysics

That Golubinsky, in building his concept of space and time, very probably proceeded from Kant's theory of space and time is witnessed by notes of his philosophy lectures: "Kant, who paid special attention to the theory of space and time, must be given credit for being the first to understand well and correctly that these are primary and necessary forms of our sensibility," but with the reservation that "[...] he did not dare to ascribe the same to things themselves [...]" (Golubinsky, 1884b, p. 33).

The concept of space and time in Golubinsky's philosophy can be presented in the following way. The subject has experience of perceptions and sensible representations caused by external objects in which, if we sequentially drop accidental or changeable properties, there remains the impulse to find something deposited next to something else, the urge that Golubinsky defines as space. He notes that, without space as the "root property" of perception of external objects, the activity of our external senses would have been impossible. Golubinsky then turns to the analysis of the inner feeling in which, if one follows the principle of the analysis of the external sense, i. e. if one drops all that is accidental and changeable in inner experience, there remains the indelible property whereby something follows something else, i. e. time. Thus Golubinsky derives two "primary properties and laws of our sensibility" — space and time (*ibid.*, p. 32).

Elaborating his concept of space and time, Golubinsky turns to the analogous theory of Kant. Not to the primary source, however, but to its summary contained in the *Handbuch der*

ма Траугота Круга⁴ «Handbuch der Philosophie» (Krug, 1828, S. 270–276), который одно время был профессором философии в Кёнигсберге, причем сразу после Канта, и которого Голубинский называет лучшим последователем Канта (Голубинский, 1884б, с. 33).

Согласно интерпретации Круга, пространство и время у Канта представлены как формы, приводящие в единство бесконечно-разнообразное, а именно предметы, положенные вне нас одни возле других, и представления о предметах, следующие одни после других. Пространство и время не могут быть ни действительными предметами, ни свойствами или отношениями вещей, ни общими понятиями, ни вымыслами воображения. Соответственно, истинность пространства и времени состоит не в том, что они реально существуют вне наших представлений, но в том, что они основываются на первоначальных законах чувственной способности познания (Там же). Если говорить об их свойствах в позитивном ключе, то они есть 1) чистые представления *a priori* (имеют неэмпирический характер); 2) чувственные представления (не являются понятиями); 3) представления всеобщие и необходимые (Голубинский, 1884б, с. 35).

Голубинский согласен с Кантом в том, что пространство и время не являются вымыслами воображения, отвлеченными понятиями, самостоятельными предметами вне нас, свойствами вещей (Голубинский, 1884б, с. 42). Также русский мыслитель вслед за Кантом признает, что пространство и время даны прежде опыта, но с оговоркой, что пространство и время прирождены душе, а не производятся душой в течение жизни. Соглашается он с Кантом и в том, что пространство и время являются формами чувственных представлений и одновременно представлениями всеобщими и необходимыми (Голубинский, 1884б, с. 46–47). Но, стремясь доказать объективное значение этих форм чувственности по отношению к внешним вещам,

⁴О Круге см.: (Krouglov, 2016).

Philosophie by Wilhelm Traugott Krug⁶ (1828, pp. 270-276), who was a professor of philosophy in Königsberg immediately after Kant and whom Golubinsky describes as Kant's best follower (Golubinsky, 1884b, p. 33).

According to Krug, Kant represents space and time as forms unifying the infinite manifold, viz. objects given outside us one beside the other and representations of objects one after the other. Space and time cannot be either real objects or properties or relations between things or concepts or figments of the imagination. Consequently, the truth of space and time consists not in their really existing outside our representations, but in their being founded on the primary laws of the sensible capacity of cognition (*ibid.*). Speaking about their positive properties they are: 1) pure *a priori* representations (having a non-empirical character); 2) sensible representations (are not concepts); 3) universal and necessary representations (*ibid.*, p. 35).

Golubinsky agrees with Kant that space and time are not figments of imagination, abstract notions, independent objects outside us, properties of things (*ibid.*, p. 42). He also agrees with Kant that space and time are given before experience, but with the reservation that space and time are inborn in the soul and are not produced by the soul during one's lifetime. Golubinsky also agrees with Kant that space and time are forms of sensible representations and are universal and necessary representations (*ibid.*, p. 46-47). However, seeking to prove the objective significance of these forms of sensibility with respect to external things, Golubinsky disagrees with Kant's position whereby space and time are subjective forms of our sensible perception of external things which we cannot

⁶ On Krug see Krouglov (2016).

русский философ не соглашается с позицией Канта, согласно которой пространство и время суть субъективные формы нашего чувственного восприятия внешних вещей, которые мы никоим образом не можем приписывать этим вещам.

Голубинский утверждает, что пространство и время — способы отношений между вещами, или способы ограничения одних вещей другими посредством действующих в них сил, из чего следует, что пространство и время имеют объективное значение и суть «законы бытия вещей», присущие предметам внешнего и внутреннего чувства (Голубинский, 1884б, с. 42–43). Одновременно в концепции Голубинского отрицается бесконечность времени и пространства и признается невозможным их бесконечное деление (Голубинский, 1884б, с. 49). В связи с представленной позицией возникает вопрос: почему Голубинского не устраивает субъективное значение априорных форм чувственности? Ответом является утверждение философа о том, что мир сам по себе без существенно принадлежащих ему форм представлял бы собой нечто бесформенное и хаотичное, что непосредственно отрицало бы мудрого Творца, а наши представления превращало бы в обман. К тому же материя и форма, по мысли Голубинского, неразлучны, следовательно, внешний мир не может быть в состоянии хаоса, а значит, ему присущи пространство и время (Голубинский, 1884б, с. 44–45). По всей видимости, позиция Канта в рассматриваемом вопросе послужила основанием для его обвинения Голубинским в идеализме с чертами субъективизма, хотя, как замечает русский философ, это идеализм низшей степени, то есть максимально приближенный к реализму (Голубинский, 1884б, с. 18).

Формами деятельности разума (рассудка) согласно Голубинскому, являются категории, главная функция которых — искать единство для разнообразного и основание для условного. Категории выражают потребность рассудка искать единство и основываются на единстве са-

ascribe to these things. Golubinsky maintains that space and time are modes of relationships between things, or modes of limiting some things by others by dint of the forces active inside them, from which it follows that space and time have objective significance and are “laws of the being of things,” inherent in the objects of external and internal feeling (*ibid.*, pp. 42–43). At the same time he denies the infinity of time and space and deems their infinite division to be impossible (*ibid.*, p. 49). Golubinsky’s position raises the question why he should reject the subjective significance of *a priori* forms of sensibility. If this were the case, he argues, then the world would be something shapeless and chaotic, which would baldly deny the existence of the wise Creator and turn our representations into a deceit. Besides, matter and form, in Golubinsky’s view, are inseparable, so that the external world cannot be in a state of chaos; hence space and time are inherent in it (*ibid.*, pp. 44–45). Apparently, Kant’s position on the issue prompted Golubinsky to accuse Kant of idealism with features of subjectivism, although he notes that it is the lowest degree of idealism, i. e. it is as close to realism as possible (*ibid.*, p. 18).

According to Golubinsky, the forms of the activity of reason (understanding) are categories whose main function is to search for the unity of the manifold and for grounds for the conditional. Categories express the need of reason to look for unity and are based on the unity of self-consciousness (*ibid.*, p. 58). The latter originates in man’s mind (reason), more precisely, in the idea of the Infinite — this proviso plays an important role in the logic of Golubinsky’s reasoning about the categories of understanding (*ibid.*). This provision determines the following: for Golubinsky, the source of catego-

мосознания (Голубинский, 1884б, с. 58). Последнее берет свое начало в уме (разуме) человека, точнее, в его идее о Бесконечном — это указание играет важную роль в логике рассуждений Голубинского касательно категорий рассудка (Голубинский, 1884б, с. 58). Именно это положение определяет следующее: источником категорий у Голубинского является ум, то есть разум в терминологии Канта, а не разум, то есть рассудок (в терминологии и концепции Канта). За основу своих рассуждений Голубинский берет таблицу категорий Канта, которой дает следующую характеристику: «В Кантовой таблице категорий видим правильнейшим пред прочими порядок в исчислении форм разума⁵» (Голубинский, 1884б, с. 58), и в другом месте: «Для начертания полной таблицы категорий Кант правильно обращается к одному из действий мышления человеческого, именно к суждениям» (Голубинский, 1884в, с. 61). Голубинский принимает систему категорий Канта, но опять же с некоторыми оговорками.

Вслед за немецким философом он выделяет четыре класса категорий: количество, качество, отношение и модальность, но не соглашается с порядком Канта, при этом отмечая, что подобный порядок согласен с духом системы Канта, но не согласен с существом вещей, и предлагает поставить на первое место модальность, так как в сознании первым всегда следует вопрос, существует ли что-то, то есть определяется субъект суждения. На второе место русский философ ставит категорию качества, так как после определения субъекта следует определение предиката. Далее речь идет о категориях количества и отношения. Категорию модальности Голубинский предлагает переименовать в категорию бытия вообще, к которой относятся три подкатегории — возможность, действительность и необходимость (Голубинский, 1884в, с. 60–61).

Понятие возможного связано с первым законом мышления и одновременно законом бы-

⁵ В терминологии Канта — форм рассудка.

ries is mind, that is, reason in Kant's terminology, and not reason, that is, not understanding (in Kant's terminology and conception). Golubinsky proceeds from Kant's table of categories which he describes as follows: "In the Kantian table of categories we see an order of calculating the forms of reason that is superior to all others"⁷ (*ibid.*). And elsewhere: "To draw the full table of categories Kant rightly turns to one of the actions of human thinking, viz. to judgements" (Golubinsky, 1884c, p. 61). Golubinsky accepts Kant's system of categories, but again with some reservations.

Following Kant, Golubinsky identifies four classes of categories: quantity, quality, relation and modality. But he disagrees with Kant's order while noting that this order is congruent with the spirit of Kant's system but not with the essence of things, and he proposes to put modality in the first place because the first question in consciousness is always whether something exists. That is, the subject of judgement is determined. Golubinsky puts the category of quality in second place because after the subject is determined, the predicate comes next. Further on, he discusses the categories of quantity and relation. Golubinsky (1884c, pp. 60-61) suggests renaming the category of modality the category of being in general, which contains three subcategories: possibility, reality and necessity.

The notion of the possible is associated with the first law of thought and at the same time the law of being — the law of contradiction. This law has to do with the very first act of thinking, and therefore is *principium indemonstrabile*. Otherwise thinking would be impossible: in

⁷ Forms of understanding in Kant's terminology.

тия — законом противоречия. Этот закон касается самого первого действия мышления, поэтому является *principium indemonstrabile*⁶. В противном случае мышление было бы просто несостоятельно: что-либо утверждая, оно бы одновременно это тут же отрицало. Этот закон Голубинский переносит на действительность — невозможно, чтобы что-нибудь одновременно существовало и не существовало (Голубинский, 1884в, с. 64). Но возможность не есть бытие действительное, говорит мыслитель, поэтому важно понять, как осуществляется переход от одного к другому. Для прояснения этого вопроса он вводит понятие «реальной возможности», в которой обнаруживается основание, или способность, для проявления возможности в действительности и с помощью которой мы можем перейти к понятию действительного бытия (Голубинский, 1884в, с. 60—61, 65—67).

Голубинский предлагает определение бытия немецкого философа-вольфианца Г. Б. Бильфингера с некоторыми исправлениями: бытие — действие силы или сил, то есть выражение силы или сил во внутренних и внешних действиях. Таким образом, понятие бытия у Голубинского находится в прямой зависимости от понятия действия, или стремления к действию, а за действиями, по мысли русского философа, всегда стоят те или иные силы. Первое, что свидетельствует о бытии, — внутреннее чувство. Далее, продолжает русский философ, мы замечаем, что различные действия души происходят во времени, которое является для них общим признаком (Голубинский, 1884в, с. 70, 73—74).

Отсюда Голубинский делает вывод: форма феноменов внутреннего чувства есть форма времени. Следующее, что имеет бытие, — это феномены внешнего чувства. В этом мы убеждаемся через восхождение от действий к причине. Множественность разнообразных представлений не может порождаться душой, так

⁶ Принцип, который не нуждается в доказательстве (лат.).

asserting something it would simultaneously negate it. Golubinsky transfers this law to reality, arguing that it is impossible for something to exist and not to exist at the same time (*ibid.*, p. 64). However, possibility is not true being, he says, because it is important to understand how the transition from one to the other happens. To clarify the issue Golubinsky introduces the concept of “real possibility” which reveals the foundation, or the capacity of the possibility to manifest itself in reality with the help of which we can move on to the concept of real being (*ibid.*, pp. 60-61, 65-67).

Golubinsky concurs with the definition of being given by the German Wolffian philosopher Georg Bernhard Bilfinger introducing some corrections: being is the action of a force or forces, i. e. an expression of force or forces in internal and external actions. Thus, Golubinsky’s concept of being directly depends on the concept of action, or a desire to act while actions, the philosopher points out, always have some forces behind them. The first evidence of being is inner feeling. Then we note that various actions of the soul take place in time, which is a common property for them (*ibid.*, p. 70, 73-74).

From this Golubinsky concludes that the form of phenomena of inner feeling is the form of time. The next property of being is the phenomena of external feeling. We see this in the process of ascending from actions to the cause. The multiplicity of diverse representations cannot be generated by the soul because it is impossible to derive the manifold of representations from pure forms of sensibility and the categories of understanding, therefore external objects causing representations really

как из чистых форм чувственности и категорий рассудка невозможно вывести разнообразие представлений, следовательно, действительно существуют внешние предметы, вызывающие представления. Также, говорит Голубинский, через восхождение от действий к причине мы убеждаемся в существовании сверхчувственных и невидимых предметов — субстанций, сил и законов.

Подобное утверждение основано на законе достаточного основания, связанном с идеей о Бесконечном. Согласно этому закону, за любым явлением природы стоит достаточное основание. Например, достаточным основанием для всех действий субъекта является единство самосознания. Так как закон достаточного основания касается всего существующего, то необходимо искать единое основание для всего, таким основанием выступает Существо Бесконечное. Отсюда Голубинский выводит критерии бытия — опыт, идея разума о Бесконечном и причинность (Голубинский, 1884в, с. 81—84, 89).

Наконец, русский мыслитель переходит к третьему виду категории бытия — необходимости. Здесь он разделяет необходимость на «отрешенную» и «условную». Под первой он понимает необходимость, не зависящую ни от чего, под второй — необходимую связь субъекта с предикатами при определенных условиях. Завершает Голубинский свои рассуждения исследованием отношений между возможностью, действительностью и необходимостью. Возможное, как то, что не включает в себе никакого противоречия, может быть необходимым, так же как необходимое может быть возможным без какого-либо противоречия. Относительно действительного бытия — не все возможное может быть действительным, но все действительное возможно (Голубинский, 1884в, с. 91—93).

За категорией бытия, или модальности, следует категория качества, которая позволяет к субъектам относить предикаты. В опыте предметы рассматриваются таким образом, что нечто конкретному предмету предписыва-

exist. Likewise, Golubinsky says, we become convinced of the existence of supra-sensible and invisible objects — substances, forces and laws — by ascending from actions to their causes.

This proposition is based on the principle of sufficient reason connected with the idea of the Infinite. Under this principle, any natural phenomenon has sufficient reason. For example, the unity of self-consciousness is sufficient ground for all the actions of the subject. Because the principle of sufficient reason applies to everything that exists, it is necessary to search for a single ground for everything, such ground being Infinite Being. From this Golubinsky derives the criteria of being: experience, reason's idea of the Infinite and causality (*ibid.*, pp. 81-84, 89).

Finally, the Russian thinker passes on to the third type of the category of being, i. e. necessity. He distinguishes “detached” and “conditional” necessity. The former is necessity that does not depend on anything and the latter refers to the necessary connection between subject and predicates under certain conditions. Golubinsky concludes his reasoning by investigating the relationships between possibility, reality and necessity. The possible, as something that does not contain any contradiction, can be necessary just like the necessary can be possible without any contradiction. Regarding real being, not all that is possible can be real, but all that is real is possible (*ibid.*, pp. 91-93).

The category of being, or modality, is followed by the category of quality which permits referring predicates to subjects. In experience objects are seen in such a way that something is ascribed to a concrete object and something is negated in the same object. From this are derived the categories of affirmation and nega-

ется, а нечто в том же предмете отрицается. Отсюда выводятся категории утверждения и отрицания, из взаимодействия которых выводится ограничение. Положительные качества делятся на существенные и несущественные; первые, в свою очередь, подразделяются на коренные и производные (Голубинский, 1884в, с. 115–117).

Категория количества занимает третье место в таблице категорий Голубинского. Существенным свойством человеческого познания является закон, согласно которому рассудок многое приводит к единству. Голубинский полагает, что многообразие представлений возникает посредством опыта, а единство усматривается через единство самосознания, основанное на идее разума о Бесконечном. Из этого положения русский философ выводит категории единства и множества, а из множества, приведенного в единство, выводит целое. Категория количества, согласно Голубинскому, зависит от категории качества, так как для того, чтобы «считать» вещи, необходимо прежде установить относящиеся к категории качества понятия об однородности и разнородности (Голубинский, 1884в, с. 135–137).

Существуют, продолжает русский философ, разные виды количества. Протяженное количество, или экстенсивная величина,— это понятие о целом, составленное посредством рассмотрения частей, расположенных в пространстве. Здесь Голубинский предлагает определение Канта — «*quantitas exstensiva est, in qua repraesentatio partium repraesentationem totius possibilem redit*»⁷ (Голубинский, 1884в, с. 139), согласно которому без представления частей, расположенных одна вне другой, мы не достигли бы понятия о внешнем количестве, с чем русский философ и соглашается.

⁷ Дословно: «Экстенсивная величина есть та, в которой представление частей делает возможным представление о целом» (лат.). Ср. у Канта: «Экстенсивной я называю всякую величину, в которой представление о целом делается возможным благодаря представлению о частях...» (В 203; Кант, 1994, с. 174).

tion, and from the interaction between them is derived limitation. Positive qualities are divided into essential and non-essential; essential, in turn, being divided into fundamental and derivative (*ibid.*, pp. 115-117).

The category of quantity occupies the third place in Golubinsky's table of categories. An essential property of human cognition is the law whereby understanding brings many things into unity. Golubinsky believes that the diversity of representations arises through experience and unity is discovered through the unity of self-consciousness based on the idea of reason of the Infinite. He derives the categories of unity and multiplicity from this provision and he derives the whole from multiplicity brought into unity. The category of quantity, according to Golubinsky, depends on the category of quality because in order to "count" things one first has to establish the concepts of homogeneity and heterogeneity which are related to the category of quality (*ibid.*, pp. 135-137).

There exist different kinds of quantity, Golubinsky continues. Extended quantity, or an extensive value, is the concept of a whole arrived at by consideration of its parts located in space. Golubinsky offers here Kant's definition: "*quantitas extensiva est, in qua repraesentatio partium repraesentationem totius possibilem redit*"⁸ (*ibid.*, p. 139), whereby we would never attain knowledge of external quantity without representing the parts located outside one another, something the Russian philosopher agrees with.

⁸ Literally: "An extensive value is that in which the representation of parts makes representation of the whole possible." Cf. in Kant: "I call an extensive magnitude that in which the representation of the parts makes possible the representation of the whole" (*KrV*, В 203; Кант, 1998, p. 287).

Другой вид количества — количество сил, или интенсивная величина, которая не может никак быть выражена через пространственные измерения, поэтому здесь речь идет уже не о частях, но о степенях. Степени могут возрастать, а могут и умаляться вплоть до *nihilum*⁸. Экстенсивная и интенсивная величины суть положительное количество, помимо которого существует и отрицательное. Завершая рассуждения о категории количества, Голубинский утверждает: все, что находится в пространстве и времени, может быть измерено единицей как мерой количества (Голубинский, 1884в, с. 140—142). Похожую мысль можно найти в «Трансцендентальной аналитике», где, определяя величину, Кант пишет: «...величина есть определение вещи, благодаря которому мы можем мыслить, сколько раз в вещи дана единица» (В 300; Кант, 1994, с. 237).

Заключает Голубинский свою таблицу категорией отношения, основанной на свойстве рассудка связывать многое в единство, для чего необходимо знать существенное в вещах и их основания. Очевиден тот факт, что все внешние предметы находятся в пространственно-временных отношениях, из чего еще не вытекает необходимая связь между предметами. Следуя Канту, Голубинский выделяет три вида категории отношения: 1) *permanentiae et immanentiae*⁹; 2) *dependentiae*¹⁰; 3) *mutui commercii*¹¹ (вводится при сравнении действий действующего и зависящего) (Голубинский, 1884в, с. 144).

Отношение, по мысли Голубинского, можно встретить и в пространстве, и во времени, и в категориях рассудка. Особое внимание русский мыслитель уделяет причинному отношению между вещами. Рассматривая данное отношение, замечает философ, нужно различать основание и причину. Во-первых, основание

⁸ Ничто (лат.).

⁹ Постоянство и присущность (лат.). У Канта эти категории носят названия субстанции и акциденции, на латыни — *substantia et accidens* (В 106; Кант, 1994, с. 110).

¹⁰ Зависимость (лат.).

¹¹ Взаимная связь (лат.).

Another type of quantity is the quantity of forces, or an intensive value which cannot be expressed through spatial measurements and here we deal not with parts but with degrees. Degrees may grow or diminish to *nihilum*. Extensive and intensive values are a positive quantity, but there is also negative quantity. Concluding his reasoning on the category of quantity, Golubinsky asserts that everything that is in space and time can be measured by unity as a measure of quantity (*ibid.*, pp. 140-142). A similar idea can be found in the “Transcendental Analytic” in which Kant defines magnitude: “[...] it is the determination of a thing through which it can be thought how many units are posited in it” (*KrV*, B 300; Kant, 1998, p. 342).

Golubinsky concludes his table with the category of relationship based on the capacity of understanding to bring the manifold into unity, which is contingent on knowing the essential about things and their grounds. It is obvious that all external objects are in space and time relationships, from which it follows that links between objects are necessary. Following Kant, Golubinsky (1884c, p. 144) distinguishes three types of category of relation: 1) *permanentiae et immanentiae*,⁹ 2) *dependentiae* and 3) *mutui commercii* (introduced through comparing the actions of the actor and the dependent).

Golubinsky points out that a relationship can be encountered in space, time and in the categories of reason. He pays particular attention to the relationship between things. Considering this relationship the philosopher stresses the need to distinguish the ground and the cause. First, the ground is more general and is always related to the existing consequence,

⁹ Kant calls these categories *substantia et accidens* (substance and accident) (*KrV*, B 106; Kant, 1998, p. 212).

более общее и всегда соотносительно с уже существующим следствием, в то время как причины могут существовать и прежде своих следствий. Во-вторых, основание всегда соотносительно со своим следствием по качеству, то есть между ними должна быть однородность, поэтому следует полагать, «сколь велико основание, столь велико и должно быть следствие» (Голубинский, 1884в, с. 148). Другими словами, основание — это то, из чего объясняется существование следствия (Голубинский, 1884в, с. 155).

Следствия, напротив, по качеству беднее, чем их причины, но не лишены с ними однородности, то есть не все качества, которые находятся в причине, переносятся в следствие. В этом случае у какого-либо одного произведения всегда несколько причин, и какая-либо из них, взятая сама по себе, является недостаточной или условной, что не удовлетворяет потребности нашего мышления искать достаточное основание (Голубинский, 1884в, с. 148—149). В этом смысле основание всегда состоит из некоего множества причин. Наконец, причина имеет применение только к бытию, тогда как основание — ко всему возможному. Отсюда Голубинский заключает, что начало достаточного основания имеет силу не только в конечных существах, но и в действиях Бесконечного Существа (Голубинский, 1884в, с. 154). А закон причинности (нет ничего без причины) действует только в отношении конечных вещей, которые имеют начало во времени. Поэтому русский философ отвергает допущение самого по себе бесконечного ряда условных причин, которое противоречит достаточному основанию (Голубинский, 1884в, с. 162, 168—169).

Трактовка категорий Голубинского вполне укладывается в то значение, которое он для них определяет: он приписывает категориям *valor constitutivus*¹², то есть считает их законами бытия вещей (Голубинский, 1884б, с. 60—61). Это существенно отличает его позицию от позиции Канта, для которого категории имеют *valor*

whereas causes may pre-exist their consequences. Second, the ground always correlates with its consequence in terms of quality, i. e. they must be homogeneous, which means that “the consequence must be as big as the ground” (*ibid.*, p. 148). In other words, the ground is that which explains the essence of the consequence (*ibid.*, p. 155).

Consequences, on the contrary, have less quality than their causes, but they are not devoid of homogeneity with them, i. e. not all the qualities that we find in the cause are transferred to the consequence. In this case a production always has several causes and one of them taken by itself is insufficient or conditional, which does not meet the need of our thought to look for a sufficient ground (*ibid.*, pp. 148-149). In that sense the ground always consists of a range of causes. Finally, a cause applies only to being whereas a ground applies to everything that is possible. From this Golubinsky concludes that the principle of sufficient ground is valid not only for finite creatures but also for the actions of the Infinite Being (*ibid.*, p. 154). The law of causality — everything has a cause — applies only with regard to finite things which have a beginning in time. That is why the Russian philosopher rejects the assumption of an infinite number of conditional causes, which contradicts the sufficient ground principle (*ibid.*, p. 162, 168-169).

Golubinsky's interpretation of categories accords with the meaning he determines for them: he ascribes to them *valor constitutivus*, i. e. he considers them to be the laws of the being of things (Golubinsky, 1884b, pp. 60-61). This position is substantially different from that of Kant for whom categories have *valor regulativus*, i. e. they are forms of cognition

¹² Конститутивное значение (лат.).

*regulativus*¹³, то есть являются формами познания, и конститутивны только для явлений, но соответствуют ли они вещам самим по себе — неизвестно (В 307—309; Кант, 1994, с. 242—243).

Следует ли Голубинский за Кантом в теории пространства и времени и в учении о чистых категориях рассудка?

Сопоставление идей Голубинского и Канта о пространстве и времени, начиная с выведения указанных форм чувственности и заканчивая определениями самих этих форм и указанием их важных свойств, позволяет увидеть определенное сходство между ними. Существует и серьезное различие между представлениями русского и немецкого мыслителей, что обусловлено разной направленностью философской мысли каждого из них. Голубинский, стремясь утвердить идею о Бесконечном, а также ее всеобщий и необходимый характер, не может согласиться с положением Канта о трансцендентальной идеальности пространства и времени. Кроме того, принять выводы Канта означало бы для русского мыслителя релятивизировать понятие об эмпирической истине и об истине вообще, что совершенно недопустимо в рамках его метафизики. Поэтому необходимо признать справедливым замечание О. Д. Мачкариной, согласно которому Голубинский занимает позицию гносеологического реализма (Мачкарина, 2011а, с. 163).

Несмотря на серьезные расхождения в определении пространства и времени и в вытекающих отсюда следствиях, вполне очевиден факт заимствования Голубинским ряда положений из теории Канта о пространстве и времени, а именно: 1) способ выявления форм чувственности — отбрасывание случайного и изменчивого во внешнем и внутреннем опыте; 2) пространство и время — сущностные свойства восприятия внешних предметов; 3) простран-

¹³ Регулятивное значение (лат.).

while being constitutive only for phenomena, whereas it is unclear whether they correspond to things in themselves (*KrV*, В 307-309; Kant, 1998, pp. 360-361).

Does Golubinsky Follow Kant in the Theory of Space and Time and in the Doctrine of Pure Categories of Reason?

A comparison of the ideas of Golubinsky and Kant concerning space and time, beginning from the eliciting of the forms of sensibility and ending with the definitions of these forms and the indication of their essential properties, reveals a certain similarity between them. There are also substantial differences between the Russian and German thinkers due to the different directions of their philosophical thought. Golubinsky, seeking to affirm the idea of the Infinite and its universal and necessary character, cannot agree with Kant's assertion that space and time are transcendently ideal. Besides, for the Russian thinker to accept Kant's ideas would amount to relativising the concept of empirical truth and truth in general, which is inadmissible in the framework of his metaphysics. Therefore we should concur with Olga D. Machkarina (2011a, p. 163) who describes Golubinsky's position as epistemological realism.

In spite of serious divergences in the definition of space and time and the consequences these entail, Golubinsky obviously borrows some provisions from Kant's theory of space and time, to wit: (1) the method of identifying forms of sensibility, the casting aside of the accidental and contingent in external and internal experience; (2) space and time are essential properties of perception of external objects; (3) space and time are *a priori*; (4) space and time are representations and not concepts.

ство и время априорны; 4) пространство и время суть представления, а не понятия. С другой стороны, русский философ не соглашается с тем, что пространство и время суть субъективные формы чувственного восприятия. Напротив, согласно Голубинскому, они обладают объективным характером, иначе мы имеем дело не с реальностью, а с видимостью. Не соглашается русский мыслитель с Кантом и в вопросах бесконечности пространства и времени, а также их бесконечной делимости, так как в метафизике Голубинского Бесконечным может быть только Бог. Но здесь важно заметить, что Кант прямо не утверждал, что пространству и времени присуща бесконечность, он говорил, что они представляются как бесконечно данные величины.

В учении о чистых категориях рассудка между Кантом и Голубинским обнаруживается меньше сходство и больше различий относительно теории пространства и времени. Голубинского и Канта объединяет то, что категории в их учениях выражают потребность рассудка искать единство в многообразии явлений (см.: Мачкарина, 2011б, с. 184). Но для Канта категории — это чистые формы рассудка, посредством которых возможен опыт и посредством которых субъект предписывает законы природе, а есть ли эти законы в природе или нет, никогда не будет известно. В этом случае категории как законы познания соотносятся с созерцаниями посредством трансцендентальной схемы с помощью времени. Для Голубинского категории являются не только законами познания внешних предметов, но и законами бытия вещей, что, собственно, и объясняет их взаимосвязь с внешними предметами.

В этом отношении важную роль в формировании учения о категориях рассудка сыграла позиция Голубинского, согласно которой абсолютная истина существует и ее возможно адекватно, но неполно познать. Истина помещена им вне чувственного мира, чем, кстати, объясняется притязание категорий в метафизике Голубинского на их применение в сверхчувствен-

On the other hand, the Russian philosopher disagrees that space and time are subjective forms of sensible intuition. On the contrary, he maintains that they have an objective character, otherwise we would be dealing not with reality but with appearance. Nor does he agree with Kant on the infinity of space and time and one infinite divisibility, since in Golubinsky's metaphysics only God can be Infinite. But here it is important to note that Kant never claimed that space and time are inherent in infinity; he said that they represent themselves as infinitely given values.

In the doctrine of the categories of pure understanding there are more differences than similarities between Kant and Golubinsky in the theory of space and time. Golubinsky and Kant share the view that categories express the reason's need to seek unity in the manifold of phenomena (*cf.* Machkarina, 2011b, p. 184). But for Kant categories are pure forms of reason that make experience possible and through which the subject ascribes laws to nature, but whether or not these laws exist in nature will never be known. In this case categories as the laws of cognition correspond to intuitions through a transcendental scheme with the help of time. For Golubinsky, categories, in addition to being laws of cognition of external objects, are simultaneously laws of the being of things, which actually explains their interconnection with external objects.

In that respect an important role in the shaping of the doctrine of categories was played by Golubinsky's position, whereby absolute truth exists and can be adequately, though incompletely, understood. He places truth outside the sensible world, which accounts for the fact that in Golubinsky's metaphysics categories claim to be used in the supra-sensible world. Both thinkers see as the first ground for categories the unity of self-consciousness which,

ном мире. Оба мыслителя усматривают ближайшим основанием для категорий единство самосознания, фундаментом которого, согласно Канту, является сам рассудок, то есть категории — неотъемлемая часть рассудка. У Голубинского основанием единства самосознания выступает разум и его идея о Бесконечном, которое есть и Единое; соответственно, категории, как и единство самосознания, имеют коренное основание в разуме, а не в рассудке. Так как русский философ не делит мир на природу и мир вещей в себе, для него все категории имеют такой же объективный характер, как и априорные формы чувственности — пространство и время. У Канта деление на природу и мир вещей в себе возникает как результат исследований, проведенных в трансцендентальной эстетике, и связано с субъективным характером априорных форм чувственности. Для Голубинского априорные формы чувственности обладают объективным характером, следовательно, не возникает необходимости подразделения реальности на два типа. Особенности метафизики Голубинского формируют отличный от кантовой таблицы порядок категорий, где на первом месте находится модальность, или бытие вообще, затем качество, количество и отношение.

Заключение

При сопоставлении теорий пространства и времени и учений о чистых категориях рассудка у Канта и Голубинского было установлено, что русский философ обращался к идеям великого кёнигсбержца, хотя и не всегда непосредственно, а свои собственные концепции Голубинский выстраивал в полемике с Кантом. Отвечая на вопрос, почему русский философ вообще уделяет внимание наследию Канта, можно, опираясь на проделанное сопоставление, выдвинуть ряд предположений. Во-первых, Голубинского в его штудиях наверняка мотивировал возрастающий интерес к Канту в России первой половины XIX в. Во-вторых,

according to Kant, is based on understanding, i. e. categories are an inalienable part of understanding. With Golubinsky, the foundation of the unity of self-consciousness is reason and his idea of the Infinite, which is also One; accordingly, categories, like the unity of self-consciousness, are rooted in reason and not in understanding. Because the Russian philosopher does not divide the world into nature and the world of things in themselves, for him all the categories have the same objective character as *a priori* forms of sensibility, i. e. space and time. With Kant, the division into nature and the world of things in themselves arises as a result of investigations into transcendental aesthetics and is associated with the subjective character of *a priori* forms of sensibility. For Golubinsky, *a priori* forms of sensibility have an objective character, hence there is no need to subdivide reality into two types. The features of Golubinsky's metaphysics prompt an order of the table of categories different from Kant's in which modality, or being in general, comes first and then come quality, quantity and relation.

Conclusion

A comparison of Kant's and Golubinsky's theories of space and time and doctrines of pure categories of understanding has established that the Russian philosopher turned to the ideas of Kant, though not always directly, and shaped his own concepts in polemics with Kant. To answer the question why the Russian philosopher paid attention to Kant's heritage at all, I can, on the basis of my investigation, put forward a number of assumptions. First, Golubinsky in his studies was surely motivated by the growing interest in Kant in Russia in the first half of the nineteenth century. Second, along with this interest, there was a

вместе с интересом росло осознание экстраординарного значения кантовских идей для развития философии, в чем Голубинский неоднократно признавался в своих лекциях. Сам Голубинский высоко оценивал философию Канта, хотя и с оговорками. Наконец, можно предположить, что Голубинский, выстраивавший собственную философскую линию, существенно отличную от критической философии, имел своей целью дать апологию теологии, в частности естественной теологии, что невозможно было сделать без обращения к критике естественной теологии и ее теоретических оснований в философии Канта.

В целом религиозно-метафизическая направленность Голубинского не предполагает его в конфронтации с критической философией Канта в отношении теории пространства и времени и учения о чистых категориях рассудка. Напротив, русский философ стремится переработать взгляды Канта в соответствии с целями и задачами собственной метафизики. Поэтому он перенимает те идеи немецкого философа, которые укладываются в рамки его философии, и модифицирует те идеи, которые вступают в противоречие с его ключевыми гносеологическими установками и главным принципом всей метафизики — идеей о Бесконечном.

Список литературы

Абрамов А. И. Кант в русской духовно-академической философии // Кант и философия в России. М. : Наука, 1994. С. 81–113.

Баумейстер Хр. Метафизика / пер. с нем. Я. Толмачева. СПб. : Тип. медицинского департамента Министерства внутренних дел, 1830.

Вольф Хр. Метафизика / пер. с нем. В. А. Жучкова // Христиан Вольф и философия в России. СПб. : РХГИ, 2001. С. 227–357.

Гаврюшин Н. К. «Столп Церкви»: протоиерей Ф. А. Голубинский и его школа // Исследования по истории русской мысли: ежегодник за 2008–2009 год / под ред. М. А. Колерова, Н. С. Плотникова. М. : REGNUM, 2012. С. 7–51.

growing awareness of the extraordinary significance of Kant's ideas for the development of philosophy, something Golubinsky repeatedly admitted in his lectures. Golubinsky himself had a high regard for Kant's philosophy, albeit with some reservations. Finally, it is possible that Golubinsky, in constructing his philosophy that was substantially different from critical philosophy, aimed to provide an apology of theology, in particular, natural theology, which is impossible without criticising natural theology and its theoretical foundations in Kant's philosophy.

On the whole Golubinsky's religious-metaphysical position does not imply his confrontation with Kant's critical philosophy regarding the theory of space and time and the doctrine of pure categories of understanding. On the contrary, the Russian philosopher seeks to rework Kant's ideas in accordance with the goals and tasks of his own metaphysics. Therefore he borrows those ideas of the German philosopher which fit his own philosophy and modifies those ideas which contradict his key epistemological principles, notably the key principle of his metaphysics, the idea of the Infinite.

References

Abramov, A. I., 1994. Kant in Russian Spiritual-Academic Philosophy. In: Z. A. Kamensky and V. A. Zhuchkov, eds., 1994. *Kant i filosofia v Rossii* [Kant and Philosophy in Russia]. Moscow: Nauka, pp. 81-113. (In Rus.)

Baumeister, F. C., 1830. *Metafizika* [The Metaphysics]. Translated from Latin by Ya. Tolmachev. Saint Petersburg: Printing office of the Medical Department of the Internal Affairs Ministry. (In Rus.)

Gavryushin, N. K., 2012. "Pillar of the Church": Archpriest F. A. Golubinsky and His School. In: M. A. Kolerov and N. S. Plotnikov, eds., 2012. *Studies in Russian intellectual history* [9]. Yearbook 2008-2009. Moscow: REGNUM, pp. 7-51. (In Rus.)

Golubinsky, F. A., 1884a. *Lektsii filosofii professora Moskovskoy dukhovnoy akademii F. A. Golubinskogo* [Lectures of Philosophy by Professor of the Moscow Theological Academy F. A. Golubinsky]. Volume 1. Moscow: L. F. Snegirev. (In Rus.)

Голубинский Ф. А. Лекции философии профессора Московской Духовной Академии Ф. А. Голубинского. М. : Тип. Л. Ф. Снегирева, 1884а. Вып. 1.

Голубинский Ф. А. Лекции философии профессора Московской Духовной Академии Ф. А. Голубинского. М. : Тип. Л. Ф. Снегирева, 1884б. Вып. 2.

Голубинский Ф. А. Лекции философии профессора Московской Духовной Академии Ф. А. Голубинского. М. : Тип. Л. Ф. Снегирева, 1884в. Вып. 3.

Голубинский Ф. А. Лекции философии профессора Московской Духовной Академии Ф. А. Голубинского. М. : Тип. Л. Ф. Снегирева, 1886. Вып. 4.

Голубинский Ф. А. Умозрительная психология // Чтения покойного профессора Московской духовной академии, протоиерея Федора Александровича Голубинского. М. : Изд-во Университетской тип. (Катков и Ко), 1871.

Задорнов А. Голубинский Федор Александрович // Православная энциклопедия / под. ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. М. : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2006. Т. 11. С. 721–724.

Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994. Т. 3.

Корнилов С. В. К постижению Бесконечного: верующий разум Ф. А. Голубинского // Пространство и время. 2016. № 1–2 (23–24). С. 63–72.

Коцюба В. И. Лекции протоиерея Федора Голубинского как предмет историко-философского анализа // Вестник ПСТГУ. Сер. 1: Богословие. Философия. 2013. № 5 (49). С. 43–59.

Круглов А. Н. Тетенс, Кант и дискуссия о метафизике в Германии второй половины XVIII века. М. : Феноменология – Герменевтика, 2008.

Круглов А. Н. Философия Канта в России в конце XVIII – первой половине XIX веков. М. : «Канон +; РООИ «Реабилитация», 2009.

Мачкарин О. Д. Проблема субъективности в философии Ф. А. Голубинского: критическое восприятие идей И. Канта // Вестник Мурманского государственного технического университета. 2011а. Т. 14, № 1. С. 161–169.

Мачкарин О. Д. Рецензия критической философии И. Канта в России XIX в. : дис. ... д-ра филос. наук. СПб. : б. и., 2011б.

Романько Ю. И. Религиозно-философская система Ф. А. Голубинского : дис. ... канд. филос. наук. Благовещенск : б. и., 2012.

Golubinsky, F. A., 1884b. *Leksii filosofii professora Moskovskoy dukhovnoy akademii F. A. Golubinskogo* [Lectures of Philosophy by Professor of the Moscow Theological Academy F. A. Golubinsky]. Volume 2. Moscow: L. F. Snegirev. (In Rus.)

Golubinsky, F. A., 1884c. *Leksii filosofii professora Moskovskoy dukhovnoy akademii F. A. Golubinskogo* [Lectures of Philosophy by Professor of the Moscow Theological Academy F. A. Golubinsky]. Volume 3. Moscow: L. F. Snegirev. (In Rus.)

Golubinsky, F. A., 1886. *Leksii filosofii professora Moskovskoy dukhovnoy akademii F. A. Golubinskogo* [Lectures of Philosophy by Professor of the Moscow Theological Academy F. A. Golubinsky]. Volume 4. Moscow: L. F. Snegirev. (In Rus.)

Golubinsky, F. A., 1871. *Umozritel'naya psihologiya. Chteniya pokojnogo professora Moskovskoy duhovnoy akademii, protoiereya Fedora Aleksandrovicha Golubinskogo* [The Speculative Psychology. Readings of the Late Professor of the Moscow Theological Academy, Archpriest Fyodor Alexandrovich Golubinsky]. Moscow: Katkov and Co. (In Rus.)

Zadornov, A., 2006. Golubinsky Fyodor Aleksandrovich. In: Patriarch Kirill of Moscow and All Russia, ed. *Pravoslavnaya enciklopediya* [The Orthodox Encyclopedia], Volume 11. Moscow: Church Research Centre "Orthodox Encyclopaedia", pp. 721-724. (In Rus.)

Kant, I., 1998. *Critique of Pure Reason*. Translated and edited by P. Guyer and A. Wood. Cambridge: Cambridge University Press.

Kornilov, S. V., 2016. Towards the Comprehension of the Infinite: the Believers' Mind F. A. Golubinsky. *Space and Time*, 1-2 (23-24), pp. 63-72. (In Rus.)

Kotsyuba, V. I., 2013. Lectures by Archpriest Fyodor Golubinsky as a Subject of Historical and Philosophical Analysis]. *St. Tikhon's University Review. Series I: Theology. Philosophy. Religious Studies*, 5 (49), pp. 43-59. (In Rus.)

Krouglov, A. N., 2008. *Tetens, Kant i diskussiya o metafizike v Germanii vtoroj poloviny XVIII veka* [Tetens, Kant and the Discussion of Metaphysics in Germany in the Second Half of the 18th Century]. Moscow: "Phenomenology – Hermeneutics". (In Rus.)

Krouglov, A. N., 2009. *Filosofiya Kanta v Rossii v konce XVIII – pervoj polovine XIX vekov* [Kant's Philosophy in Russia at the End of the 18th and the First Half of the 19th Centuries]. Moscow: Kanon+. (In Rus.)

Krouglov, A., 2016. Krug, Wilhelm Traugott (1770–1842). In: H. F. Klemme and M. Kuehn, eds. 2016. *The Bloomsbury Dictionary of Eighteenth-Century German Philosophers*. London & New York: Bloomsbury, pp. 441-442.

Цвѣкъ И. В. Духовно-академическая философия в России XIX в.: Историко-философский анализ : дис. ... д-ра филос. наук. М. : б. и., 2002.

Цвѣкъ И. В. Преподавание философии в Московской духовной академии XIX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Философия. 2013. № 1. С. 44–57.

Krouglov A. Krug, Wilhelm Traugott (1770–1842) // The Bloomsbury Dictionary of Eighteenth-Century German Philosophers / ed. by H. F. Klemme, M. Kuehn. L. ; N. Y. : Bloomsbury Academic, 2016. P. 441–442.

Krug W. T. Handbuch der Philosophie und der philosophischen Literatur : in 2 Bdn. Leipzig : F. A. Brockhaus, 1828.

Об авторе

Давид Олегович Рожин, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: DRozhin1@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4877-2598>

Для цитирования:

Рожин Д. О. Рецепция гносеологических идей И. Канта в метафизике Ф. А. Голубинского // Кантовский сборник. 2021. Т. 40, № 1. С. 97–123.

doi: 10.5922/0207-6918-2021-1-3

Krug, W. T., 1828. *Handbuch der Philosophie und der philosophischen Literatur: in 2 Volumes*. Leipzig: F. A. Brockhaus.

Machkarina, O. D., 2011a. The Problem of Subjectivity in the Philosophy of F. A. Golubinsky: Critical Perception of the Ideas of I. Kant. *Vestnik of Murmansk State Technical University*, 14 (1), pp. 161-169. (In Rus.)

Machkarina, O. D., 2011b. *Receptiya kriticheskoy filosofii I. Kanta v Rossii XIX veka [Reception of the Critical Philosophy of I. Kant in Russia of the XIX Century]*. Dissertation. Saint Petersburg: s. n. (In Rus.)

Romanko, Yu. I., 2012. *Religiozno-filosofskaya sistema F. A. Golubinskogo [The Religious and Philosophical System of F. A. Golubinsky]*. Dissertation. Blagoveshchensk: s. n. (In Rus.)

Tsvyk, I. V., 2002. *Duhovno-akademicheskaya filosofiya v Rossii XIX v.: Istoriko-filosofskij analiz [Spiritual and Academic Philosophy in Russia in the 19th Century: Historical and Philosophical Analysis]*. Dissertation. Moscow: s. n. (In Rus.)

Tsvyk, I. V., 2013. Philosophy in the Moscow Ecclesiastical Academy in the 19th Century. *RUDN Journal of Philosophy*, 1, pp. 44-57. (In Rus.)

Wolff, C., 1725. *Vernünfftige Gedancken von Gott, Der Welt Und der Seele des Menschen, Auch allen Dingen überhaupt, den Liebhabern der Wahrheit mitgetheilet. Die dritte Auflage hin und wieder vermehret*. Halle: Renger.

Translated from the Russian
by Evgeni N. Filippov

The author

David O. Rozhin, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: DRozhin1@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4877-2598>

To cite this article:

Rozhin, D. O., 2021. Reception of Kant's Epistemological Ideas in Fyodor Golubinsky's Metaphysics. *Kantian Journal*, 40(1), pp. 97-123.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2021-1-3>

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))